

А. СОТНИКОВ

Очерки
О ПИСАТЕЛЯХ
ВОЛОГЖАНАХ

ВОЛОГДА
1947

А. СОТНИКОВ

ОЧЕРКИ
О
ПИСАТЕЛЯХ-ВОЛОГЖАНАХ

ВОЛОГОДСКАЯ

областная библиотека

им. Н. В. Балуева

ИЗДАНИЕ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО ИНСТИТУТА
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

1947

ОТ АВТОРА

Составляя книжку очерков о писателях-вологжанах, автор ставил целью в какой-то мере удовлетворить тот интерес к местным историко-литературным фактам, который всё больше проявляется у трудящихся нашей области, интерес, особенно усилившийся в связи с празднованием 800-летнего юбилея г. Вологды. Собранный и обобщённый материал о писателях-вологжанах особенно необходим учителям, работникам районных и сельских библиотек и другим лицам, ведущим учебно-воспитательную и культурно-просветительную работу.

„Очерки“ не претендуют на исчерпывающую полноту в освещении выбранной темы. Автор сосредоточил внимание лишь на некоторых, наиболее ярких именах, интересных прежде всего по тому вкладу, который они внесли в литературу, а также — по их личной судьбе. Характер построения очерков определялся стремлением дать не простой перечень фактов из жизни того или иного

писателя, а вызвать по возможности живое представление о том существенном и ценном, что характерно для личности писателя или его произведений.

При этом приходилось считаться с фактами далеко не одинаковой разработанности материала о каждом из писателей. В очерке о К. Н. Батюшкове, жизнь и творчество которого, по сравнению с другими писателями-вологжанами, достаточно изучены и описаны, автор счёл целесообразным сосредоточить внимание на вопросе, наименее разработанном в литературе о Батюшкове, — на патриотизме поэта, рассматривая главным образом в этом плане события его жизни и факты литературного творчества.

Скудные сведения о жизни В. И. Красова и ставшая библиографической редкостью книжка его стихов, изданная в 1859 году П. Штейном, подсказали о необходимости акцентировать внимание на тяжёлой судьбе писателя в царской России. При изложении материала о П. В. Засодимском, писателе, несправедливо обойдённом вниманием литературоведов, автор „Очерков“ попытался наметить черты, отличающие этого писателя от писателей-народников 80—90-х годов: ведущее чувство жизненной правды,

сильную струю критического реализма в его творчестве, связанные с глубоким знанием жизни крестьянства и с демократическими настроениями писателя.

Из советских писателей-вологжан автор счёл нужным остановиться на достаточно оформившихся писателях — А. Тарасове, Н. Тощакове и А. Яшине (А. Я. Попове), рассматривая их произведения в связи с теми задачами, которые выдвинуты перед советской литературой постановлением ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах „Звезда“ и „Ленинград“.

К. П. Батюшков

К. Н. БАТЮШКОВ

Польза языка, слава отечества—
вот благородная цель!

К. Н. Батюшков.

... Батюшков много и много способ-
ствовал тому, что Пушкин явился
таким, каким явился действительно.

В. Г. Белинский.

На одном из старинных зданий Вологды, там, где теперь помещается педагогическое училище, прибита мемориальная доска, с краткой надписью: „В этом доме жил и скончался 7 июля 1855 года Константин Николаевич Батюшков“.

В сороковых-пятидесятых годах прошлого века многие из вологжан не раз видели сухонького седого старичка, который любил в ясные летние вечера подолгу стоять у раскрытого окна и смотреть на стены кремля. Иногда этот человек, одетый в неизменный полотняный сюртук, появлялся на городском бульваре, выбирал уединённое место, садился на скамью и о чём-то сосредоточенно думал. Но стоило кому-нибудь сесть рядом с ним, как в глазах старичка загоралась подозрительность, он вскакивал и быстро, почти бегом, удалялся от соседа. Только дети пользовались полным доверием этого человека.

Мало кто из жителей города знал, что этот странный, душевнобольной старик в моло-

дости был одним из лучших поэтов России, что его стихами восхищались Карамзин и Пушкин, а в сороковые годы знаменитый критик Белинский писал о его значении для русской литературы: „Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтоб имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением“.

Немногие знали о том, как богата содержанием была жизнь этого человека, пока его не постигло несчастье...

I

Константин Николаевич Батюшков родился 18 мая 1787 года в Вологде, в образованной дворянской семье. Рано потеряв мать, он воспитывался до 9-летнего возраста под руководством своих сестёр в деревне, среди небогатой, но близкой сердцу русского человека природы, в общении с простым народом, уважать который Батюшков научился с детства.

Шесть лет, проведённые вслед за этим в петербургских пансионах Жакино и Триполи, дали молодому Батюшкову хорошее знание французского и итальянского языков и возможность много читать, преимущественно книги французских просветителей XVII—XVIII веков. Но гораздо большее значение имели для него беседы с родственником и приятелем отца—писателем М. Н. Муравьевым,

знакомство с семьей директора Петербургской публичной библиотеки А. Н. Оленина и особенно дружба с товарищами по службе в министерстве народного просвещения (куда 16-летний Батюшков поступил после окончания пансиона)—И. П. Пниным, И. М. Борном и Н. А. Радищевым, сыном писателя-революционера А. Н. Радищева. Влияние этих людей не только укрепило в Батюшкове интерес к литературе, но и привило ему твердые нравственные убеждения, развило в будущем поэте патриотическое чувство, научило ценить передовые традиции русской культуры, сделало его горячим защитником просвещения.

Молодость Батюшкова совпала с периодом исключительно важных исторических событий в жизни русского народа—с борьбой против Наполеона. В отношении к этим событиям ярче всего выразился патриотизм Батюшкова.

Когда в конце 1806 года в связи с войной стало формироваться народное ополчение, юноша Батюшков, только что с успехом выступивший в литературе, никогда ранее не мечтавший о военной карьере, бросает гражданскую службу и определяется на военную. Он мужественно переносит все трудности боевой жизни; в одном из сражений его тяжело ранят, но, вылечившись от раны, он продолжает служить и лишь в 1810 году, когда военная гроза на время утихла, он выходит в отставку.

Он живёт то в Хантонове, Череповецком имении своих сестёр, то в Москве, знако-

мится и сближается с писателями Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским и П. А. Вяземским, много читает и пишет, строит обширные планы. В одном из писем к своему другу Н. И. Гнезичу Батюшков в обычной для него шутливой манере выражает радость по поводу того, что ему еще не 30 лет, а всего 24: „Я с моей стороны не упусти из рук эти шесть лет и, подобно Александру Македонскому, наделаю много чудес в обширном поле... нашей словесности“...

Его стихи „Видение на берегах Леты“, высмеивающие литературных реакционеров, у которых „мысли жидкие, а слог черствый“, широк известны в литературных кругах; произведения Батюшкова печатаются в лучших журналах того времени — „Цветнике“ и „Вестнике Европы“. Однако успехи не вскружили голову Батюшкову, он целые ночи просиживает за книгами, осмысливая с помощью Монтэня и Локка свой рано приобретенный жизненный опыт. Его письма к друзьям, написанные в эти годы, показывают в нём оригинального мыслителя, одного из умнейших и образованнейших людей своего времени.

События Отечественной войны 1812 года застали Батюшкова в Петербурге, где он только что получил место в Публичной библиотеке. В поэте вновь проснулся воин: менее чем через месяц после начала Отечественной войны он порывается вступить в ряды ополчения, но болезнь мешает ему осуществить это намерение. Батюшков глубоко страдал, наблюдая те бедствия, которые при-

несло русскому народу нашествие Наполеона. „Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и её окрестностях, поступки беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию“... „Я слишком живо чувствую раны, нанесённые нашему любезному отечеству, чтобы минуту быть покойным“, — писал Батюшков Гнедичу.

Получив в июле 1813 года возможность отправиться в действующую армию, Батюшков едет в Германию, где тогда находились наши войска и в качестве адъютанта генерала Н.Н. Раевского участвует в боях под Дрезденом, Теплицем и Лейпцигом и вместе с отрядом Раевского вступает в Париж. С каким подъёмом пишет он на родину: „Наконец мы во Франции! эти слова... возбуждают в моей голове тысячу мыслей, которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной в земле её безрассудных врагов... Они думали, по невежеству, разумеется, что русские их будут жечь, грабить, резать, а русские, напротив того, соблюдают строгий порядок и обращаются с ними ласково и дружелюбно“.

В этих словах выразился весь облик Батюшкова, воина-патриота и просвещённого человека, гордящегося не только успехами русского оружия, но и гуманностью нашего народа.

По окончании Отечественной войны 1812—1814 гг. Батюшков вновь отдаётся усиленной поэтической работе. Лучшие, наиболее зрелые его стихотворения „Тень друга“, „Таврида“, „Пробуждение“, „Мой гений“

и др., а также многие статьи по вопросам литературы и искусства написаны в первые годы после войны. Всё сознательней и строже подходит он к литературному творчеству, рассматривая его как дело чрезвычайно большой общественной важности. „Польза языка, слава отечества—вот благородная... цель“ любви к искусству, по мнению Батюшкова. В своей речи „О влиянии лёгкой поэзии на язык“, произнесённой в 1816 году в связи с избранием его в члены московского „Общества любителей русской словесности“, Батюшков выражает мысль о том, что „будущее богатство языка“ тесно сопряжено „с образованностью гражданскою, с просвещением и, следственно, с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире“, что успехи литературы должны идти всегда „наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества“...

Подготавливая к печати собрание своих произведений („Опыты в стихах и прозе“), Батюшков очень разборчиво относится к включению в книгу своих стихов: многое его не удовлетворяет, кажется „безделками“, ему думается, что всё написанное им „завянет и скоро полиняет“.

„Что делать! — восклицает поэт в письме к издателю. — Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написал бы что-нибудь получше. Но как писать? ... Передо мной хина, впереди ломбард, сзади три войны с биваками! Какое время! Бедные таланты! Вырастешь умом, так воображение завянет“...

Здесь поэт указал на те основные причины, которые мешали ему осуществить многие творческие замыслы. Всё ухудшающееся здоровье, постоянные материальные затруднения, заботы о будущем, а главное — „какое время!“. Эта жалоба на время глубоко знаменательна. Подобно многим своим современникам, Батюшков, вернувшись из заграничного похода, был чрезвычайно поражен усилением реакции в России после победы над Наполеоном. По словам одного из друзей Батюшкова, в России того времени „... кидают друг другу в лицо выражениями: религия в опасности, потрясение нравственности, подборник чужеземных идей, иллюминат, философ, франк-масон, фанатик и т. п. Словом, безумие полное!“. Всё это очень тяжело действовало на Батюшкова, подавляя его творческие замыслы. Мешали развернуться силам поэта и „незрелость общества, — как говорил Белинский, — ещё не могшего выработать никакого содержания для самобытной поэзии“, и недостаточно оформившиеся в эти годы новые литературные направления.

Имея в числе своих друзей будущих декабристов Н. Тургенева, М. Орлова, Никиту Муравьева и др., Батюшков не мог не испытывать на себе их идейного влияния. В своей статье „Вечер у Кантемира“ Батюшков выразил смелую мысль о том, что „может быть, через два или три столетия, может быть, и ранее... обширнейшая земля в мире... учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство за-

конов, одним словом, хранилищем просвещения“. Однако нерешительность литературной борьбы за эти идеи не удовлетворяла Багюшкова. Его возмущало, например, то, что общество передовых писателей того времени „Арзамас“ (куда входили Жуковский, молодой Пушкин и сам Батюшков) не могло даже организовать издание журнала; ему были не по душе слабые стороны „арзамасцев“: „Говорят: станем трудиться, и никто ничего не делает“. Особенно угнетало Батюшкова сознание приниженности положения поэта в обществе в то время: „этот холод к дарованию, это уравнивание сына Фебова с сыном откупщика“. С горечью писал Батюшков, что „у нас дарование без интриг, без ползанья, без какой-то расчётливости“ не может существовать.

После выхода в свет „Опытов“ (в 1817 г.) Батюшков пишет сравнительно мало; работа над каждым стихотворением, по собственному признанию, расстраивает ему нервы, доставляет чувство неудовлетворённости, хотя мастерство поэта становится всё более отточенным.

Стремясь сохранить Батюшкова для литературы, его друзья выхлопотали ему место внештатного секретаря русской дипломатической миссии в Неаполе: они надеялись, что воздух Италии поддержит здоровье Батюшкова, что служба в миссии будет необременительна для поэта и в то же время доставит ему независимость и материальную обеспеченность. Сам поэт возлагал на жизнь

за границей большие надежды и чувствовал первое время оживление. По пути к месту службы он усиленно изучает достопримечательности Венеции и Рима, знакомится с русскими художниками, на удивившимся в Риме, принимает горячее участие в их судьбе. В письме к своему старому покровителю А. Н. Оленину, ставшему к тому времени президентом Академии художеств, Батюшков пишет о трудностях существования русских художников за границей, о мизерности положенной им платы и просит поддержать их: „Россия имеет нужду в хороших артистах, нужду необходимую, особенно в архитекторах, и я от чистого сердца желаю, чтобы казна не пожалела денег“.

Служба в миссии не оправдала надежд поэта и его друзей. Оживление скоро сменяется у Батюшкова упадком физических и душевных сил. Его угнетает одиночество и оторванность от родины, а главное то, чего он всегда боялся: его начальник граф Штакельберг пытается превратить Батюшкова в рядового канцеляриста, заставить его „лодить ужом и жабой“. Ни о какой независимости не может быть и речи: „Я нахожусь на службе и не могу, и не должен ничего делать, даже как автор, без согласия начальства“, — писал Батюшков Гнедичу.

В таком состоянии каждая мелочь раздражала поэта, усиливала нервное напряжение и способствовала развитию в нём наследственных задатков душевной болезни. В 1821 году Батюшков получает бессрочный отпуск для

лечения. Начинается длительная и безуспешная борьба несовершенного тогда искусства врачей с душевной болезнью поэта. Мания преследования быстро нарастает, Батюшкову кажется, что его всюду преследуют тайные враги и среди них—царь Александр I и министр иностранных дел Нессельроде.

Лишь к 1833 году, когда больной был перевезён в родную Вологду и стал жить в семье племянника Григория Абрамовича Гревенс, острая форма душевной болезни миновала: он стал спокойней, но полное сознание так и не возвращалось к нему. Пережив своих друзей—Пушкина, Гнедича, Крылова, Жуковского, Батюшков погиб для литературы гораздо раньше каждого из них.

„Превосходный талант этот был задушен временем“,— так сказал о нём Белинский.

II

Однажды в разговоре с своим другом П. А. Вяземским Батюшков, уже душевнобольной, сказал ему: „Что говорить и писать о стихах моих!.. Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди, узнай теперь, что в нём было!“ В этих грустных словах заключена глубоко верная мысль о том, что поэт, которого так рано постигло несчастье, сказал далеко не всё, что он мог бы сказать ибо „его талант,—по выражению Белинского,—

был гораздо выше того, что сделано им". Однако и то, что написал Батюшков за сравнительно короткое время своей литературной деятельности, оставило значительный след в развитии нашей литературы.

В своих статьях о Пушкине Белинский сравнивал творчество гениального русского поэта с морем, а творчество предшествовавших ему поэтов — с большими и малыми реками. „Море, — говорил Белинский, — больше и важнее рек, но без них оно не могло бы образоваться“. К числу этих больших „рек“, питавших поэзию Пушкина, Белинский относит Державина, Жуковского и Батюшкова, причём подчеркивает, что „Пушкин рано и скоро пережил содержание поэзии Жуковского, и его ясный, определённый ум, его артистическая натура более гармонировала с умом и натурою Батюшкова, чем Жуковского“.

Еще мальчиком-лиценстом Пушкин познакомился со стихотворениями Батюшкова, имя которого уже в 10-е годы прошлого века было популярно в литературных кругах. В 1815 году состоялось личное знакомство 16-летнего Пушкина с 28-летним Батюшковым, знакомство, закреплённое участием обоих поэтов в „Арзамасе“. К этой внешней канве их отношений следует добавить самое существенное: то, с каким неослабевающим интересом относился Пушкин на протяжении всей своей творческой жизни к произведениям Батюшкова. Будучи мальчиком, Пушкин восхищался „сластолюбивыми“

стихам Батюшкова; в 1818 году юноша Пушкин на просьбу одного из знакомых записать в альбом какое-либо из стихотворений записывает свою „Музу“, сказав при этом: „Я их (эти стихи) люблю: они отзываются стихами Батюшкова“. В начале 30-х годов, когда развитие русской поэзии уже значительно шагнуло вперед, Пушкин, тогда уже прославленный поэт, перечитывая сборник стихотворений своего предшественника, делает на полях книги пометки, из которых видно, что, несмотря на ряд недостатков, замеченных теперь зрелым мастером в этих стихах, он всё же очень высоко ценит достижения музы Батюшкова.

О стихотворении „Мои Пенаты“ Пушкин пишет: „Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения—слог так и трепещет, так и льётся—гармония очаровательна. Главный порок в сем прелестном послании—есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковской деревни“.

О „Тавриде“: „по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения—лучшая элегия Батюшкова“. О стихотворении „Привидение“ Пушкин пишет одно слово: „Прелесть“.

Было бы неверно думать, что все влияние Батюшкова на Пушкина сводилось только к усвоению гениальным поэтом блестящей формы стиха своего предшественника, лёгкого и плавного поэтического языка и т. п. Нет, дело тут глубже. Поэзия Батюшкова несла

в зачаточной форме те основные элементы содержания, которые оказались близкими для Пушкина, тем более, что и в идейном отношении оба поэта были близки, родственны „по уму и натуре“.

Подобно Пушкину, Батюшков с молодых лет приобщился к лучшим достижениям русской и западноевропейской культуры и совмещал вкус к литературе и искусству с живейшим участием в общественной жизни родной страны. Уже в первых стихотворениях, по словам Белинского, „самостоятельная художественная муза Батюшкова“ боролась „с ложными французскими направлениями“, и поэт законно обижался на то, что некоторые из друзей видели в нём „беспечного мудреца“, „философа резвого“ и „парнасского счастливого ленивца“. Впрочем скоро для внимательного читателя стало ясно, что Батюшков — не „ветреный поэт“, а глубокий и серьёзный поэт-мыслитель, живо воспринимающий и глубоко осмысливающий жизненные явления...

Современник таких событий, как расправа царского правительства с Радищевым, участник трёх войн, свидетель растущего недовольства передовой дворянской молодёжи порядками в самодержавно-крепостнической России, Батюшков чутко откликался в своих стихотворениях, статьях и письмах на актуальные вопросы общественной жизни. „Маленькая философия“ его ранних стихов сменяется под влиянием Отечественной войны мотивами глубокого патриотизма. В одном

из своих стихотворений— послании „К Дашкову“ написанном в то время, когда Батюшков рвался принять участие в борьбе против французов, поэт, видя „врагов неистовых дела“, отказывается „петь любовь и радость“ и говорит о высоком долге гражданина:

...Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не подставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем—
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине.

Мотивы любви к родине, звучащие во многих стихотворениях Батюшкова, относятся к тем характерным чертам его поэзии, которые отозвались через несколько лет в творчестве Пушкина, Рылеева и других младших его современников.

Следует заметить, что патриотизм у Батюшкова сочетался с пониманием несовершенства русской жизни, с недовольством существовавшим тогда крепостничеством и засилием сановной бюрократии. Батюшков хорошо понимал разницу между настоящей любовью к отечеству и „квасным патриотизмом“, который проповедовали в литературе

реакционные писатели, группировавшиеся во-круг „Беседы любителей русского слова“, во главе с А. С. Шишковым. В одном из писем к Н. И. Гнедичу Батюшков писал: „... любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество?.. Зачем же эти усердные маратели выхваляют всё старое?.. Поверь мне, что эти патриоты, жалкие декламаторы, не любят или не умеют любить русской земли“...

Поэтому не случайно Батюшков принял участие в борьбе против Шишкова и других защитников старины в литературе и языке, — для него это было борьбой за развитие культуры в родной стране, формой выражения подлинной любви к родине. В ряде своих произведений, преимущественно — статей, Батюшков ставил вопрос о необходимости развития просвещения и установления передовых форм общественной жизни. По словам П. А. Вяземского, в 1814 году Батюшковым было написано не дошедшее до нас стихотворение, обращенное к Александру-1 с призывом дать свободу крестьянам.

Таким образом, боевой, активный тон не был чужд творчеству Батюшкова, и это, несомненно, привлекало к нему внимание Пушкина, в поэзии которого уже в начале 20-х годов прошлого века властно зазвучали патриотические и освободительные мотивы (достаточно вспомнить „Воспоминания в Царском Селе“, „Деревню“ и т. д.).

Многие сильные стороны поэзии Батюшкова, поэта „задушенного временем“, не

успели получить полного развития, но бесспорна его заслуга в том, что он заложил основы лирической поэзии, выражающей разнообразнейшие реальные человеческие чувства и переживания, начиная от самых высоких, связанных с патриотическими, гражданскими побуждениями,—до камерных, интимных, то глубоких, то игриво лёгких. Он расширил границы лирики, насытил поэзию мыслью, стараясь соединить глубину содержания с совершенством поэтической формы.

В русской поэзии до Пушкина найдётся немного произведений, в которых бы с такой глубиной и мастерством были выражены чувства патриотизма, как в послании „К Дашкову“ и „Переходе через Рейн“ Батюшкова, восхищения природой — как в стихотворении „Есть наслаждение и в дикости лесов“, чувства дружбы и любви — как в элегиях „Тень друга“, „Мой гений“, „Пробуждение“ и т. д. И сейчас такие стихи Батюшкова, как, например, „Разлука“, способны захватить читателя силой и непосредственностью чувства, как будто они написаны не сто с лишним лет назад, а недавно:

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства,
И в шуме грозных битв, под тению шатров,
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!.

Или из стихотворения „Пробуждение“:

...Ни быстрый лёт коня ретива
По скату бархатных лугов,

И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива—
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви холодными словами.

Особенно ценно в Батюшкове то качество, которое опять-таки роднит его с Пушкиным,—это „ясный и определённый ум“, выразившийся в отказе от всего „призрачного“ и сверхестественного.

Целый ряд уже отмеченных выше причин, скрывавшихся в общественных и личных условиях, неизбежно располагал Батюшкова к печальному взгляду на жизнь. Стихотворения последних лет творчества „Судьба Одиссея“, „К другу“, „Умиравший Тасс“ выражают раздумья поэта над явлениями современной ему действительности. Те же картины произвола „барства дикого“ и бесправия народа, которые зажигали гневом Пушкина и Лермонтова, больному одинокому Батюшкову подсказывали грустный вывод:

Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет...

(„Изречение Мельхиседека“).

Однако характерно то, что наряду с этим констатированием печальных фактов старой русской действительности у Батюшкова звучит жизнеутверждающая вера в силу человеческих знаний, труда и подвига. В своих „Подражаниях древним“, написанных в 1821 г.,

в период тяжелого душевного состояния, поэт оптимистически говорил:

Ты хочешь мёду сын?—Так жала не стра-
шишь.

Венца победы?—смело к бою.

Ты перлов жаждешь?—так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою...

Лишь смелым перлы, мёд иль гибель...
иль венец.

Творчество Батюшкова развивалось в реалистическом направлении и носило глубоко прогрессивный характер. Постоянно думая о „пользе языка и славе отечества“, Батюшков много потрудился над сближением литературы с жизнью, над выработкой „движения, силы и ясности“ в языке, подготовив этим самым почву для расцвета творческого гения Пушкина.

Нам дорога память о поэте-патриоте, который умел служить родине своим творчеством и в минуту опасности был готов грудью прикрыть её „перед врагов сомкнутым строем“.

В. И. КРАСОВ

Выдающийся русский революционер и патриот А. И. Герцен сто лет тому назад писал в своей книге „Былое и думы“: „Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? Поймут ли они, отчего мы... в минуту восторга не забываем тоски?... О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем; мы заслужили их грусть...“

Эти слова, полные боли и горечи за невозможность развернуться духовным силам человека в условиях царской России 40-х годов прошлого века, заставляют нас вспомнить о десятках загубленных и искалеченных самодержавием талантливых представителей русского народа и среди них — о нашем земляке-поэте В. И. Красове.

Василий Иванович Красов родился в 1810 году в гор. Кадникове, в семье священника. Окончив Вологодскую семинарию, он поступил на словесный факультет Московского университета, где в то время учились Лермонтов, Герцен, Белинский. Очень близкие отношения у В. И. Красова установились с известным руководителем студенческого фи-

лософского кружка Н. В. Станкевичем, высоко оценившим в Красове благородство и душевную теплоту.

Окончив в 1835 году университет со степенью кандидата, Красов служил два года старшим учителем в Черниговской гимназии, а в 1837 году был назначен адъюнктом (помощником профессора) в Киевский университет, где он в течение двух лет преподавал красноречие и теорию поэзии.

В 1838 году, когда факультет признал неудовлетворительной его докторскую диссертацию, Красов был вынужден оставить университет. Трудно судить, что явилось причиной неудач молодого адъюнкта, во всяком случае приходится весьма недоверчиво отнестись к такому отзыву одного из казённых историков Киевского университета: „Красов был даровитая поэтическая натура, но несколько не профессор. Чтобы быть профессором, ему нехватало ни сведений, ни терпения к приобретению их“. Верней будет предположить, что учёный совет университета нашел в диссертации „дух свободомыслия“, и это явилось причиной увольнения Красова из университета.

Уехав из Киева, В. И. Красов в 1839 г. устраивается преподавателем словесности в одном из московских средних учебных заведений и остаётся в этой должности до самой смерти.

Писать стихи Красов начал еще в семинарии. В 30-х годах они стали появляться на страницах московских журналов. Ко времени

возвращения Красова в Москву несколько его стихотворений были напечатаны в столичном (петербургском) журнале „Библиотека для чтения“ и вызвали сочувственный отзыв В. Г. Белинского.

Обстоятельства, при которых стихи Красова появились в „Библиотеке для чтения“, были довольно интересны: редакция этого журнала получила в 1838 году „тетрадь прекрасных стихотворений без подписи“. Сходство почерка дало основание под тремя из них, напечатанными в январской (1839 г.) книжке журнала, поставить подпись известного в то время поэта Бернета.

„Но г. Бернет торжественно отказывается от чести быть их автором. Тем лучше! Значит, мы имеем на Руси одним превосходным поэтом больше“, — писалось в редакционной заметке по поводу этих стихов.

П. Штейн, издавший посмертный сборник стихотворений Красова, говорит, „что его стихи в тридцатых и сороковых годах печатались в лучших журналах... наряду со стихотворениями Лермонтова, Огарёва и Кольцова; многие из них с увлечением читались, перечитывались, заучивались наизусть просвещёнейшими современниками...“.

Это, конечно, не значит, что талант Красова можно сравнить в какой-то мере с гениальным дарованием Лермонтова, но настроения эпохи 40-х годов прошлого века, когда люди даже в „минуту восторга не забывали тоски“, нашли в стихотворениях Красова искреннее и ясное выражение.

Подобно Лермонтову, жаловавшемуся на то, „что некому руку подать в минуту душевной невзгоды“, Красов в стихотворении „Элегия“ („Я скучен для людей“) с болью пишет о той душевной чѣрствости, которая в годы безвременья стала характернейшей чертой представителей так называемого „образованного общества“:

„Я простирал к ним жаркие объятъя,
Младое сердце в дар им нѣс:
И не признали эти братья,
Не разделили братских слез“...

Мотив одиночества, обманутых, несбывшихся надежд звучит во многих стихотворениях Красова.

Ряд задушевных стихотворений посвящен поэтом теме любви, при этом любовь в стихах Красова — всегда глубокое и чистое чувство, помогающее бедняку-разночинцу в тяжелой жизненной борьбе. Недаром в одном стихотворении поэт обращается к любимой женщине:

Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю
Заставь меня вновь полюбить.

(„Стансы“).

Глубокое сочувствие к тяжелой доле русской женщины, уважение к её нравственной стойкости и душевной красоте находим мы в стихотворениях „Разлука“, „Сон“, „Песня“ и др.

Бережным, целомудренным отношением к первым, неопытным проявлениям женской

любви проникнуто— одно из лучших стихотворений Красова:

Пронеслась, пронеслась моя младость,
Навсегда она сном унеслась,
А твоя светлоокая радость —
Твоя юность едва началась...

.....
● Если ж быстро, средь радости шумной,
Сердце вспыхнет потухшее вновь, —
Ты не верь моей клятве безумной:
То минутный порыв — не любовь!

.....
Омрачу ли удел твой прекрасный?
Я — как дуб, опалённый грозой:
Для чего ж его нежно и страстно
Обвивать тебе, плющ молодой?

Так мог написать только поэт-гуманист, следовавший лучшим традициям русской литературы, в условиях 40-х годов прошлого века думавший, подобно Герцену и Огарёву, о подлинном раскрепощении женщины.

Из лирики В. И. Красова видно, в чём заключалась „трагическая сторона существования“, о которой говорил Герцен. Нельзя без волнения читать стихи, где поэт рисует образ разночинца-интеллигента, скрученного николаевской действительностью, теряющего надежды и желания в тяжёлой жизненной борьбе:

Мечтой и сердцем охладелый,
Расставшись с бурями страстей,
Для мук любви окаменелой,
Живу я тихо меж людей.

Мои заветные желанья
Уж в непробудном сне молчат;
Мои сердечные преданья
Мне чудной сказкой уж звучат.
Но я живу ещё: порою
Могу я чувствовать, страдать, —
Над одинокой головою,
Хоть редко, веет благодать.
Созданья гения — поныне —
И добродетели простой,
Высокий подвиг, как святыня,
Моею властвуют душой.

Перед нами — человек, буквально задыхающийся в удушливой атмосфере николаевской действительности, находящий силы и утешение только в освежающем душу труде, в размышлениях над книгами — „созданиями гения и добродетели простой“ — и в обращении к историческим примерам „высокого подвига“.

Герой этого стихотворения во многом автобиографичен: Красова также постепенно сгибала жизнь, но он отличался большой сопротивляемостью. В минуты унынья мысль поэта обращалась к темам народа и великого исторического прошлого России. С чувством гордости за родную страну поэт говорит о быстром Урале, бережно переносившем на своих волнах челны Ермака (стихотворение „Урал“) о „старинной отцовской чаше“, которая украшала „русский обед“

Весёлым вином, расписными краями,
И слышала, верно, от предков не раз
О подвигах славных горячий рассказ“...

(„Чаша“).

Духом народной поэзии проникнута „Старинная песня“, напоминающая лучшие стихотворения Кольцова.

Уже смертельно больной, поэт написал проникнутое пламенным чувством стихотворение „Стоят поликары кругом“, в котором показал великую роль России в освободительной борьбе славянских народов, вековые чаяния которых были постоянно связаны с мыслью о русском народе:

...За нас великаны стоят —
Друзья из далёкой России.
Уж грозно их блещут штыки
На бреге заветном Дуная!
Как тучи, находят полки
Спасителей бедного края.

Тяжелый, изнурительный труд из-за куска хлеба, атмосфера разобщённости и придавленности, остро ощущавшаяся в русской жизни 40—50-х годов XIX века, свели в могилу раньше срока Белинского, Добролюбова, Кольцова, Никитина и многих других замечательных литераторов-разночинцев. Не избежал этой участи и В. И. Красов.

В 1854 году в журнале „Москвитянин“ было напечатано письмо одного из друзей поэта:

„Спешу уведомить редакцию „Москвитянина“ о кончине одного из наших молодых стихотворцев: вчера я проводил на Ваганьковское кладбище моего товарища по службе Василия Ивановича Красова. Он скончался от чахотки, которою страдал в течение по-

следних лет. Жестокий удар, им понесённый, ускорил его кончину: недель за шесть перед этим он лишился жены, нежно им любимой, и теперь осталось после него шестеро сирот, из которых старшей дочери десять лет. Он жил своими трудами и не оставил детям ничего, кроме доброго имени и благословения“...

Такова печальная судьба нашего земляка-поэта В. И. Красова—типичная судьба интеллигента из народа в царской России.

П. В. Засодимский

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ

„Он любил народ, страдал его болями...“

(Из воспоминаний современников
о Засодимском).

Весной 1874 года в лучшем русском журнале того времени „Отечественных записках“ появился новый сотрудник — Павел Владимирович Засодимский. Это был ещё совсем молодой человек и писатель, но уже многое повидавший и многое вынесший на своих плечах.

За несколько лет до прихода в редакцию „Отечественных записок“ Засодимскому пришлось из-за недостатка средств оставить Петербургский университет, с того времени он испробовал ряд профессий, в том числе профессию народного учителя; изучая жизнь крестьян, он пешком исколесил несколько губерний. Богатый запас наблюдений, вынесенный из этих „хождений в народ“, Засодимский положил в основу повести, которую принёс в редакцию передового журнала, руководимого тогда Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Знаменитый сатирик Щедрин, познакомившись с повестью, выразил опасение, что цензура может сильно „искромсать“ руко-

яись. Однако Засодимскому повезло: его „Хроника села Смурина“ вскоре появилась в журнале, почти не пострадав от цензорского карандаша. Автор подписал её вымышленной фамилией—Вологдин.

Молодой писатель не случайно выбрал себе такой псевдоним. С вологодской „лесной стороной“ его связывало множество нитей: здесь, в Великом Устюге, он родился в 1843 году, здесь, в Никольске и Вологде, провёл детство и значительную часть юношеских лет, здесь же он почерпнул первоначальное знание народной жизни. Став известным писателем, Засодимский-Вологдин часто приезжал в знакомые края, поддерживая с ними живую связь и, наряду с изображением других мест тогдашней России, много лучших своих страниц отвел изображению родной „Никольщины“.

Первые произведения П. В. Засодимского появились в печати в 1867 году, и вскоре он стал деятельным сотрудником передовых журналов того времени — „Дела“, „Отечественных записок“, „Искры“. Засодимский вступил в литературу в то время, когда передовую общественность остро волновали вопросы пореформенного устройства жизни в России, прежде всего—вопрос о путях развития пореформенной деревни. Молодой писатель живо откликнулся на это и сделал тему деревни одной из центральных в своем творчестве. Выходец из небогатой, довольно образованной дворянской семьи, по образу жизни разночинец, на

склад убеждений которого оказали сильное влияние Герцен, Чернышевский и Добролюбов, — Засодимский подошел к изображению деревенской России как вдумчивый и любящий народ писатель-реалист. „С малых лет я жил среди народа, — писал Засодимский, — узнал его и полюбил, узнал его слабость и мощь, — одним словом узнал настолько, насколько возможно узнать его человеку, по своему общественному положению стоящему вне крестьянской среды“. Это глубокое знание народа сказывалось на всем протяжении творчества писателя, и, несмотря на то, что в оценке отдельных сторон крестьянской жизни Засодимский не смог избежать народнических ошибок, — всё же в основном он изобразил современную ему деревню правдиво и сильно. Одним из лучших произведений П. В. Засодимского, посвященных этой теме, является „Хроника села Смурина“. Вслед за такими писателями, как Решетников и Николай Успенский, с их рассказами из крестьянской жизни, одновременно с Некрасовым, работавшим над гениальной поэмой „Кому на Руси жить хорошо“, Засодимский показал в „Хронике“, как жилось на Руси после половинчатой реформы 1861 года „освобожденным“ крестьянам.

„Вышло как-то так — пишет автор, — что крестьяне, переставшие быть графскими, очутились чирковскими... Дали им было волю... а ночью, тайком, прокрался к ним Кузьма Иванович, спанал у них эту волю,

зажал в свой кулачище, да и был таков. От воли и живого духу не осталось“. Писатель показывает, что этот Кузьма Иванович Чирков, крупный воротила, выдвинутый реформой на место помещика, не один грабит крестьян. В каждой деревне орудуют кулаки более мелкие, но не менее беспощадные. В Смурине несколько богатеев, они обособились от остальной массы и поселились на другом берегу речки — в Закручье. „Грозен и немилостив закручевский бог! Он последний сараишко раскатит, последнюю овцу со двора сведёт, последний тулуп с плеча стянет“.

Писатель видел, что в деле угнетения народа представители растущего капитала, „чумазые“, объединяются с правительством и что их союз благословляют служители церкви. Эта сильная сторона выгодно отличает автора „Хроники села Смурина“ от других писателей-народников.

Подобно Некрасову, показавшему, что несмотря на нищету и забитость, русский народ выдвигает из своей среды „народных заступников“ за отнятые права, — Засодимский в своей „Хронике“ вывел интересную фигуру „крестьянского радетеля“ Дмитрия Кряжева. Тяга к знаниям, чувство достоинства и стремление защитить не только себя, но и соседей, характеризуют этого человека. Он старается вырвать односельчан из-под зависимости закручевцев, пытается при помощи земства организовать ссудосберегательное товарищество, лавку, школу, кузнич-

ную артель. Но общественная лавка не могла тягаться с закручевскими магазинами, „чуть ли не торговавшими даже птичьим молоком“, в аргель пробрался кулак Лисин и прибрал её к рукам, то же стало и с кассой; толковый и честный учитель вынужден покинуть школу, а сам Кряжев попадает в тюрьму по обвинению в подстрекательстве крестьян к бунту. Кряжеву становится ясно бесплодность попыток улучшить крестьянскую жизнь при помощи „дозволенных“ правительством средств. „Одной кассой, лавкой, а либо артелью тут горю не помочи! Бери выше, хватай глубже!“ — к такому выводу приводит Кряжева автор.

Этим „бери выше, хватай глубже“—явным призывом к революционным методам борьбы — проникнуты и многие другие произведения Засодимского, написанные в период подъема народнического движения 70-х годов, и даже после его разгрома, в 80-е годы. В романе „По градам и весям“ (1885 г.), в описании „кунявинских беспорядков“ читатель угадывал намёки на аграрные волнения крестьян и на непрекращавшуюся революционную работу людей, подобных Верюгину и Клеменгеву. В этом романе автор как бы хочет сказать слова ободрения уцелевшим от террора остаткам революционной демократии, показать им, что борьбу продолжать хоть трудно, однако можно и необходимо. Революционер Верюгин, переживший не одну неудачу, потерявший многих из своих друзей, говорит

себе: „Нельзя опускать руки“, и ему кажется, что „над миром восходит солнце, блестящее и ярче того, что теперь поднималось над городом“.

Начавшееся в 80-х годах прошлого века идейное вырождение народничества отразилось в творчестве Засодимского в сложной и противоречивой форме. Как человек, воспитанный в духе революционных идей 60-х годов, он с глубокой болью воспринял переход интеллигенции от революционных форм борьбы к „той,—как писал В. И. Ленин,—умеренной и аккуратной казённо-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна филантропии“.

Горечью по поводу того, что „все окружающее... переменяло фронт“, наполнена повесть Засодимского „Песня спета“ (1888 г.). В образе писателя Пестерева, превратившегося из петербургского „мыслящего пролетария“ в бездействующего „почтенного землевладельца“, автор раскрывает „ту болезнь, к которой вообще стал так восприимчив современный человек“: равнодушие к вопросам общественной жизни, двойственность, „лицемерие перед ближними и перед собой“. Пестерев мучается от сознания своего падения, но в то же время понимает, что он не в силах подняться, потому что „более всего в мире любит свою шкуру“.

В произведениях Засодимского, написанных в 90-е годы, усиливается негодующий тон при описании бездельничающих, „недужных“ представителей дворянства, ожиревших бур-

жуа и праздноболтающих интеллигентов. Всем им автор противопоставляет людей труда, простых и цельных „русских пахарей-работничков“, вроде петряевцев („Из жизни лесной стороны“) или Настасьи (рассказ „Весь век для других“). Но, относясь к народу с неизменной любовью, Засодимский в произведениях 90-х годов идеализирует наиболее слабые черты крестьянства—его патриархальность. Это дало повод А. М. Горькому заметить, что писатель „... сотворил мужика... чрезвычайно похожего по свойствам психики своей—кроткой и преисполненной романтическими надеждами... на мужиков Толстого, Тургенева...“

Из произведений Засодимского видно, сколько „проклятых вопросов“ волновало его в эти годы, как мучительно старался он разглядеть ту реальную силу, которая приведет народ к счастью. И хотя Засодимский не сумел правильно понять ход исторического процесса и увидеть, что на общественную арену выходит по-настоящему революционный рабочий класс, тем не менее, он был далек от пессимизма и маловерия. Один из героев очерка „Веретьев“ говорит: „Учение о смирении и терпении, какое преподносит нам Достоевский и другие, не новость, особенно для русского человека.. Нам нужно совсем не то...“ И хоть героям этого очерка (а вместе с ними и автору) кажется, что ещё нет людей, способных перейти от слов к делу,—Веретьев говорит: — Но почём знать: может быть близок рассвет...

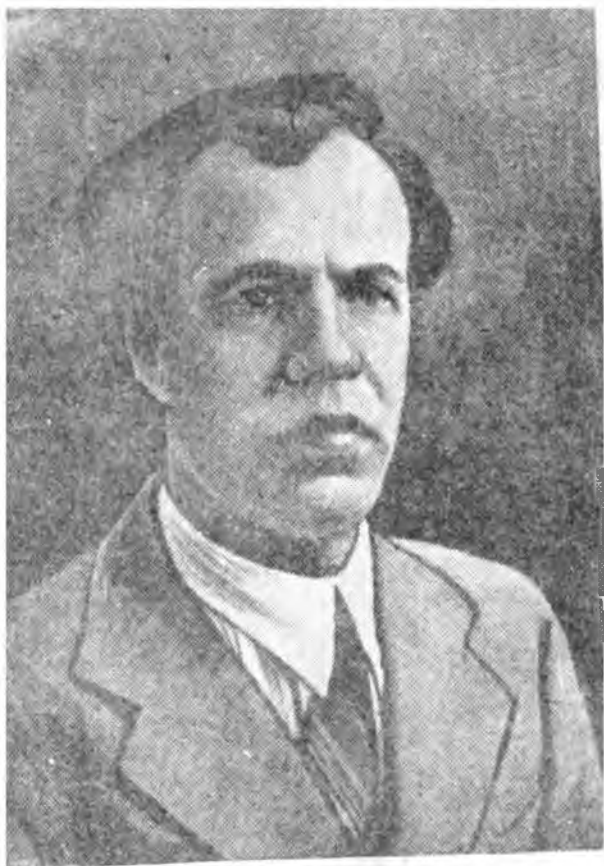
П. В. Засодимский, как художник, не принадлежал к талантам первой величины, однако в ряду русских писателей-реалистов он занимает своё, хотя и скромное, но почетное место. В основном можно согласиться со словами одного из критиков 90—900-х годов (М. К. Цебриковой), сказанными о Засодимском: „Яркость колорита не далась ему: окраска образов его переходит иногда в серые тоны гравюры или рисунка карандашом, но и в этих серых тонах видна жизненная правда“.

Жизненная правда — вот что было ведущим в творчестве Засодимского; недостаточную же отшлифованность формы некоторых его произведений в значительной степени следует отнести за счет тех тяжелых условий, в которых приходилось работать писателю, особенно в молодые годы. В своих воспоминаниях Засодимский пишет об этом: „Иной читатель и вовек не догадается: по какой дорогой цене пришлось автору иное... произведение, отмеченное критикой как произведение неудачное... плодом какой безмолвной, скрытой, тягостной драмы оно является... Иногда голова писателя, как всякого измученного, усталого работника, бывает так неотзывчива, так пуста и глуха, как вот этот деревянный стол, на котором я теперь пишу. В такие беспросветные минуты апатии или утомления... что бы писатель ни задумал, всё у него выйдет из рук вон плохо, бесцветно и вгонит его лишь в недовольство самим собой“.

Зато в тех случаях, когда нужда временно переставала давить на плечи писателя, из под его пера выходили произведения, не только глубокие по содержанию, но и почти безукоризненные по форме. Таков, например, очерк „Веретьев“. О рассказе „Перед потухшим камельком“ Лев Толстой писал автору: „Рассказ прекрасный... хватает за сердце. Прочёл его про себя, а другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование“.

Последние два десятилетия своей жизни Засодимский много работал в области детской литературы, сумев приобрести и среди юных читателей заслуженную популярность. Умер он 4 мая 1912 года в с. Жадины Новгородской губернии.

В заключение нельзя не сказать о замечательном нравственном облике П. В. Засодимского, выразившемся и в его творчестве. „Более искреннего, задушевного человека из „пишущей братии“—говорит один из близко знавших Павла Владимировича,—мне не приходилось встречать... Это была духовная красота в полном значении этого слова, без пятнышка на его кристалльно-чистой душе... Он любил народ, страдал его болями“...

Александр Тарасов

К Н И Г И

С О В Е Т С К И Х П И С А Т Е Л Е Й - В О Л О Г Ж А Н

Русская литература всегда была сильна своей неразрывной связью с Родиной и народом. „Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа—так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы“,—говорил тов. Жданов в своём докладе о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, определяя ведущий характер творчества крупнейших русских писателей. В живом и тесном общении с народом, в пытливом изучении его жизни, труда, психологии, фольклора—познавали писатели „чаяния и ожидания народные“, черпали богатство и выразительность художественных образов.

Эти традиции русской классической литературы нашли особенно полное выражение сейчас, в советской литературе, призванной „не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа“, но и обязанной „развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперёд“ (А. А. Жданов).

Лучшие советские писатели и поэты тесно связаны с родными, часто—с детства знако-

мыми им местами, кровная связь с которыми даёт им материал для больших художественных обобщений. Таковы — М. Шолохов, взращённый трудовой жизнью тихого Дона; П. Бажов, автор „Малахитовой шкатулки“, с молодых лет прислушивавшийся к рабочим сказам Урала; М. Исаковский и А. Твардовский, принесшие в литературу поэтические образы и народную речь Смоленщины, и многие другие. К числу писателей, сумевших на „местном“ материале создать талантливые произведения, отражающие явления, характерные для жизни всей страны, следует отнести наших земляков А. Тарасова, Н. Тощакова и А. Яшина, книги которых неоднократно вызывали положительные отклики как у читателей, так и со стороны литературной критики.

I.

Александр Тарасов, безвременно погибший на фронте в первый год Великой Отечественной войны, — уроженец Вожегодского района Вологодской области. Он учился в Вологодской совпартшколе, где начал заниматься литературной деятельностью, напечатав в 1927 г. свой рассказ „Рябина“ в литературном сборнике вологодских писателей и поэтов „Зарницы“. Затем А. Тарасов уезжает в Москву, где окончательно формируется как писатель и в 30-х годах печатает ряд своих повестей и рассказов, лучшие из которых были изданы в 1939 году отдельной книгой.

Тарасов прожил недолгую, полную творческой учёбы и труда жизнь. Он оставил немного произведений, но почти все они отличаются крепким знанием жизни и задушевностью.

В 1946 г. в издательстве „Советский писатель“ вышла вторым изданием книга повестей и рассказов А. Тарасова. Со страниц этой книги, как живые, встают перед читателем труженики колхозной деревни, их быт, их переживания. От произведений Тарасова веет чем-то радостным, словно попадаешь вместе с автором на вожегодские лесные озёра, любуешься алым отсветом летней негаснувшей зари, слушаешь, как несётся откуда-то девичья песня. Этот оптимистический тон книги создаётся прежде всего показом того, как безвозвратно уходит из человеческих отношений старое, как рядовые крестьяне-землепашцы и охотники несут в себе новые качества, свойственные людям социалистической эпохи. Алексей Максимович Горький говорил в своём докладе на I-м Всесоюзном съезде советских писателей: „Мы живём в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя, как силы, действительно изменяющей мир“. Повести и рассказы А. Тарасова наглядно подтверждают правдивость этих слов.

Глубоко значительна описанная в повести „Крупный зверь“ история отношений двух стариков — Лавера и Оннсима. После долгих

лет дружбы старики поссорились. Сколько горечи доставила им эта ссора, и какое чувство удовлетворения доставляет им примирение, когда разъясняется, что никто из них не виноват. „В глазах Лавера радость. Они-сим смотрит на соседа. Он подозревал в Лавере маленькое подлое чувство и только теперь понял, что это чувство было в нём самом, он сам его выдумал и раскрасил... Он подумал и о том, что у людей, которые придут после них с Лавером, не может разбудиться это чувство, не может потому, что эти люди будут совсем иными...“

Тарасов показывает новое свойство людей колхозной деревни — настоящий советский гуманизм. Герои произведений Тарасова мужественно переносят неудачи в личной жизни, умно решают вопросы, которые раньше могли бы стать причиной тяжёлой драмы. В повести „Охотник Аверьян“ есть интересное место: в лесной охотничьей избушке тёмной осенней ночью сходятся Аверьян и муж той женщины, которую он любит. Автор правдиво и тонко показывает, как в этих людях инстинкты контролируются рассудком, как чувство неприязни уступает место чувству взаимного уважения: соперникам тяжело и неловко, но они находят в себе достаточно воли, чтобы ничем не оскорбить друг друга.

Нельзя сказать, что герои произведений Тарасова — люди „с холодной кровью“. Нет! Они любят горячо и сильно, любовь доставляет им радость и страдания, но они умеют проверять свои чувства и управлять ими.

В прекрасном рассказе „Отец“ Тарасов с большой силой показывает борьбу чувства сыновней любви к отцу с сознанием необходимости отдалиться от него — единоличника, упорно не желающего отрешиться от старых взглядов и форм жизни. Именно потому что молодежь — сыновья и дочь — любят отца, „того первого, безгранично простого и доброго“, они „выдерживают характер“, стараются победить в нём (и побеждают) „этого второго — жадного, упрямого, во всём сомневающегося“.

Большим достоинством книги Тарасова является показ того, что в колхозной деревне мерой достоинств человека становится прежде всего его отношение к труду, который является, по определению И. В. Сталина, делом чести и славы, делом доблести и героизма. Герои повестей и рассказов Тарасова — это люди, влюблённые в труд, стремящиеся делать всё на славу: чтобы смётанный стог был „как яичко“, чтобы пашня была без сорняков, чтобы связанный хомут не тёр шею лошади. В рассказе „Анна из деревни Грехи“ — Трофим наблюдает за невесткой, видит, как она косит и жнёт: быстро, ловко и чисто, слышит, как соседи хвалят её и гордятся ею, и невольно сравнивает её с сыном. Вывод горек для отца: Егор красив, статен, но ленив, любит бахвалиться.

Автор понимает, что еще не полностью изжиты „родимые пятна“ старого в быту и психологии людей. Он показал и врагов колхозного строя (Шмотяков в повести „Круп-

ный зверь“), склочников, как Илья Евшин, пьяниц, вроде Игнашонка („Охотник Аверьян“), любителей посплетничать и т. д. Не все из этих лиц написаны достаточно сильно, — автору больше удались образы положительных героев. Но именно в решении трудной и важной задачи показа новых людей социалистической деревни и заключается главная ценность произведений А. Тарасова.

Наряду с любовно выписанными, несколько опозитизированными образами Анны, Аверьяна, Никиты, автор вывёл ряд лиц, в освещении которых чувствуется легкая ирония. Таков, например, Манос, проходящий через большинство произведений Тарасова. Мягкая усмешка вообще свойственна писателю: чудесно написаны им сценки подготовки петуха к бою (рассказ „Отец“) или беседа Марины и Павлы, собравшихся „посудачить“ („Охотник Аверьян“).

Замечательно и большинство пейзажей, щедро разбросанных в книге и обычно сливающихся с картинами труда. Описывает ли автор сенокосное утро, когда „над побелевшими ржаными склонами ветер золотой метелью поднял цветочную пыль“, или рубку леса, когда топор „проливает сплошную серебряную струю“, или сбор рябины, при котором „рябина оголяется, как бы тает“, всюду чувствуется любовь автора к тому, о чём он пишет, и стремление выбрать свежие слова из нескудеющей сокровищницы русского языка.

Яркость и жизненность большинства созданных автором образов, свежесть описаний

природы связаны с тем, что Тарасов хорошо знал жизнь колхозной деревни в предвоенные годы. Он ежегодно подолгу жил в родных вожегодских краях, принимал участие в трудовой жизни колхоза и черпал из этого общения с односельчанами богатейший материал.

Читая книгу повестей и рассказов Александра Тарасова, чувствуешь, какого умного и наблюдательного художника потеряла советская литература в его лице. Видишь и ещё раз убеждаешься в том что неразрывная, тесная связь с Родиной питает живыми соками творчество писателя и что прав был Некрасов, говоривший об этом:

Всему начало здесь,
В краю моём родимом...

II.

Колхозник Африкан Жихарев, демобилизовавшись из армии, возвращается в родную деревню, с которой его на четыре года разлучила война. Возвращается, „ненасытно смотря вокруг, как будто желая скорее вновь вобрать в себя всё виденное“. Так начинается вышедшая в начале 1947 года повесть Николая Тощакова „Чарома“.

Писатель Тощаков, наш земляк, работающий в Ленинграде, хорошо знает жизнь и быт северной деревни. Он написал интересную и поучительную книжку о послевоенной жизни колхоза, о том, как принимаются в нем за дело вчерашние фронтовики,

прошедшие „университеты жизни и смерти“, многому научившиеся на войне, стосковавшиеся по колхозному труду. Наряду с этим в повести поставлен ряд других вопросов, волнующих своей актуальностью.

• Деревушка Чарома, по имени которой названа повесть, „раскинулась недалеко от озера, среди болот и лесов“. „Не разлелеешь такие поля, как на Украине“,—думает Африкан Жихарев, наиболее ярко описанное автором лицо в повести. Однако и Жихареву и его друзьям, побывавшим во многих странах, выучившим „всю географию“, Чарома всего дороже, потому что „каждому на своих местах сподручней“. „Нету милей наших мест“,—говорит, выражая общие мысли, Василий Мартьянов. Это чувство любви к своим родным местам—лучшее выражение любви к Отчизне—определяет все поступки передовой части колхозников и, в первую очередь, Африкана Жихарева.

Демобилизовавшись, Африкан не думает „искать счастья“ где то на стороне. „Здесь буду работать“,—говорит он и на испытующий вопрос брата, не скучно ли будет ему в деревне, не веселей ли податься на городские кварталы („там такого молодца живо в заведующие определяют“) отвечает: „Не знаю, скучно ли будет! Кажется, это от себя зависит. Где бы ни был,—в городе, в деревне, за границей—езде сам-друг, от себя не уйдешь... Война—великое дело, так чем плохое дело посадка лука, брюквы, свеклы?...“.

Африкан твердо убежден в том, что вся-

кий труд почётен и благороден, только надо относиться к нему „с огоньком“, надо уметь во всем найти большое, ценное“. Ему ближе всего — земля, за неё то он и хочет схватиться... крепче, чем раньше, помнить, что земля — источник силы, кровь и плоть людская“. Для Африкана и его друзей характерно стремление укрепить свой родной колхоз, найти дополнительные источники роста благосостояния народа.

„План-планом, — говорит один из фронтовиков Лукьян Репин. — Но и в каждой деревне надо что-то своё придумывать. По-солдатски, смекалку, инициативу проявить... Неужели мы в своих деревнях не найдем того, что сверху и не видно? Огороды ли, сады ли?... Может, рыболовство развернём?.. Надо присмотреться, подумать...“.

Требовательность к себе, чувство ответственности за быстрейший расцвет жизни в родных местах заставляют Африкана Жихарева вынашивать свои заветные мысли. „Он думал о большом деле. Оно совершенно ясно стояло перед ним, и отказаться от него, не выполнить его, он не мог, как солдат, получивший боевой приказ“. Другу детства — секретарю райкома Кудрявцеву он рассказывает о своей идее: „От большой дороги, налево от сеновалов, в сторону болота — кочки и кусты, заброшенный, неустроенный участок, гектаров полсотни... Сплю и вижу — разодрать, разделить под огород... Все силы положу... Дополнительно, понимаешь, дополнительно, Семен Николаевич,

что можно поднять у нас на севере?.. Овощи... Первосортные, сочные... Близость города... Завалить овощами рынки... Через овощеводство увеличить поголовье скота, навозом удобрить поля... Зацветёт, зацветёт край...".

В повести показаны люди, косность которых приходится преодолевать Африкану. Это прежде всего председатель колхоза Мирон Евстигнеев. Он неплохой хозяин, но слишком осторожен, безинициативен. „Сверху больше не требуют“—значит всё хорошо. „Тебе что?—спрашивает он Жихарева. —Охота заработать?.. Дам заработать, сколько угодно, только не ленись“. Мирон не может понять, что Африкан Жихарев стремится не только „заработать“, а прежде всего уничтожить „пустоплесье“, чтобы быстрее зацвёл край. Настроения, свойственные Мирону, приводят некоторых колхозников к бесперспективности: „Нам ничего не надо, проживём и без большого“,—говорит Татьяна Малинина. „Прокормиться мало-мальски и только“...—вторит ей Никифор Огурцов. „Неустроенные люди!“—думает о них Африкан и видит, что надо „устраивать“ не только землю, но и этих людей, убедить их в том, что следует стремиться не к маленькому, а к большому. „Мы им докажем, убедим, за собой поведём. Ведь мы Европу прошли, сильнейшего, свирепейшего врага победили,—думает Жихарев. —Эти же люди через год нам спасибо скажут, когда это большое к ним сытой, культурной жизнью в избу войдёт“.

Автор показывает, какие большие возможности для осуществления разумной мечты даёт наш советский общественный строй: Лукьяну Репину удаётся сколотить рыбацью артель, „поставить дело на широкую ногу“; идея борьбы с пустоплесем, выдвинутая Африканом, горячо поддержана руководством района и подхвачена в колхозах, так как она выражает „настроения людей, не хотевших видеть вокруг себя ничего неустроенного“.

Отличительная особенность советских людей—намечать всё новые и новые перспективы. Она проявляется в том, что Африкан Жихарев не останавливается на борьбе с пустоплесем. Он мечтает о дальнейшем: „Окультурим землю, разведём животноводство. Будем брать урожай, какой захотим... Ну, а кто будет асфальтовые дороги между колхозами прокладывать, электростанции строить?...“

Товарищ Жданов, говоря о новых качествах советских людей, подчеркнул, что „мы изменились и выросли вместе с теми великими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны“. Эта мысль наглядно выражена в повести в лице нового колхозного крестьянина Африкана Жихарева и его товарищей, а также Катерины Кругловой. По-новому, просто и глубоко нравственно решают герои повести жизненные вопросы, верой в великую силу труда и в радостное, светлое завтра наполнена их жизнь.

Повесть Н. А. Тошакова, как уже сказано, ставит много важных вопросов. Не все они решены автором до конца, однако основная мысль, на которой мы остановились, ясна и выражена живо и убедительно.

Яркие бытовые картины северной деревни (разговор в бане, смотрины), родпой нам пейзаж, колоритные образы Алёши Потанина, Божатка и Любы заставляют воспринимать „Чарому“ как что-то близкое и убедительное. Значение этой повести в деле идейно-политического воспитания масс несомненно.

С. С. С.

[III.]

Поэтический голос Александра Яшина был замечен широким кругом читателей и литературной критикой, когда вышла в свет его первая московская книга стихов — „Северянка“, в 1938 году. У нас, на севере, Яшина знали и раньше: его стихи стали появляться в вологодских и архангельских изданиях с 1930 года, а в 1934 году, когда 20-летний Александр Попов (настоящая фамилия Яшина) учился в Вологодском пединституте, в Архангельске вышла его первая книжка стихотворений — „Песни Северу“. Со страниц этих книг зазвучал окаящий говорок вологодских колхозников и колхозниц, рассказывающих о своих трудовых успехах и о своей любви к лесному краю, разбуженному весёлым гулом сталинских пятаков.

После переезда в Москву (в 1935 году) Яшин учится в Литературном институте имени

Александр Яшин

Горького, печатает свои стихи в „Правде“, „Комсомольской правде“ и различных литературных журналах. Тепло встреченный критикой после выхода „Северянки“, он пишет поэму „Мать“, показывающую борьбу нового и старого в колхозной деревне. Мастерство молодого поэта крепнет, кругозор его расширяется, образы становятся колоритней, язык постепенно очищается от излишних диалектизмов. К началу Великой Отечественной войны Яшин вырастает в заметную поэтическую величину. Непосредственный участник Отечественной войны, он откликается на её события стихами, которые помещались во фронтовой и центральной печати, а потом вошли в сборники „Красная Горка“, „На Балтике было“ и др., составившие книгу „Земля богатырей“. В годы войны широкой известностью пользовалась его песня о шинели („Ах, шинель, моя шинель“..), а книга стихов „Земля богатырей“ в 1946 году получила высокую оценку—годовую премию ЦК ВЛКСМ по разделу лучших художественных произведений для молодёжи.

В послевоенные годы вышли две книги Яшина: в 1946 году — „Земляки“ (стихи о родном колхозе) и недавно в массовой библиотеке журнала „Огонёк“—„Стихи разных лет“. Последняя книжка, содержащая 25 лучших стихотворений Яшина, даёт возможность наметить некоторые черты творческой характеристики поэта.

Поэзия Александра Яшина тесно связана с родным ему севером, хранящим и умно-

жающим традиции трудового героизма и сокровища народного творчества. В стихотворении „Не умру“, написанном в 1943 году, поэт наиболее полно рассказал о своей любви к северу, с которым у Яшина связывается реальное представление о родине:

Ах, родина, лесная сторона!
...Брусника в чащах, рек голубизна..
Просторны тѣсом крытые двѳры,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок...

Здесь выявляется наиболее характерная и сильная черта таланта Яшина: он умеет проникновенно выразить большое чувство патриотизма в образах конкретных и ярких, в картинах не надуманных, а замеченных зорким глазом художника, близких и родных его сердцу.

При чтении стихов Яшина может показаться, что поэт слишком много внимания уделяет внешней цветистости изображаемого им мира,—действительно, в его стихах довольно часто встречается „пестрота“ или даже „золотая карусель“ сарафанов, „бисеринки“ пуговиц, ленты, кумач, бубенцы, „пиво—брага на меду“ и т. д. Однако, если присмотреться внимательней, будет видно,

что Яшина влечёт не только „экзотика“ Севера, что поэт умеет за яркостью нарядов рассмотреть яркость характеров и отношений новых людей колхозной деревни, в несколько картинном „достоинстве поклонов“ увидеть достоинство советского человека.

Герои стихов Яшина — это люди труда, осознавшие то новое, что внесла в их жизнь революция и колхозный строй. Девушка Олёна, чудесным нарядом которой любитесь „учёный из района“, хорошо выражает сущность произошедшей перемены:

В старопрежнем-то время
и на свадьбе
Мне бы в этаким наряде
Не гулять бы.

(„Олёна“).

Герой стихотворения „Свет в душе“ прекрасно определяет то, чем отличается он, колхозник, от крестьянина старой единоличной деревни:

И я мужик. И мне земля
Родная дорога,
И я за зря не жгу рубля:
Деньга — всегда деньга!
Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу осветил...
...По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи,
Но я на шар земной гляжу
Как на поля свои.

Вот где истоки патриотизма героев стихотворений Яшина, их стремления „всей жизнью“ стоять „за правду за свою, за нашу власть, за всех за нас“, вот чем объясняются их трудовые подвиги.

В изображении военного и трудового героизма советских людей Яшин идёт двумя путями. Ряд его стихотворений, особенно взятых из книги „Земля богатырей“, написан в торжественно-приподнятом, несколько отвлечённом плане. В некоторых стихотворениях автору удалось создать сильные, впечатляющие образы, добиться лаконичной и выразительной манеры письма. Таково, например, стихотворение „Вечно помнить будет народ“, в котором поэт удачно воссоздал черты величественных образов наших вождей—Сталина и Ленина:

Вождь укажет вперёд рукой —
Миллионы идут на бой.
Вечно помнить будет народ
Сорок первый военный год,
Руку верную в тяжкий час,
Направлявшую в битву нас,
Как и ту, что с броневика
Указала путь на века.

Такой же характер носят стихи „Красная Горка“ „Русские мы“, „Клятва“ и т. д. В „Клятве“ поэтический кругозор Яшина расширился, идея стихотворения: „ни в чём, никогда не сходи с вершины!“ — ценна, однако здесь налицо и слабость поэта: торжественная приподнятость приводит Яшина к схема-

тизму, подмене художественных образов лозунгами, ярких, выразительных слов — прозаизмами.

Органически ближе Яшину другой путь, которым он идёт в своём творчестве гораздо чаще и с большим успехом. Это путь поэтического осмысливания частных фактов и явлений хорошо знакомой ему жизни колхозной деревни. Просто и живо рассказывает Яшин о том, как старик-охотник думает о подарке Сталину („Слово охотника“); как колхозный конюх получил медаль и —

В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

(„Конюх“)

как убежденная единоличница Настасья привыкает к артельному труду и никуда не хочет идти из колхоза („Настасья“). Чувство жизненной правды, убедительность деталей и мягкий юмор придают особую прелесть этим стихотворениям. Особенно ярко проявляется всё это в стихотворении „Сватовство“. Внешне анекдотичный случай о том, как колхозники, не желая терять хорошую работницу Алёну Фомину, строят ей дом и привозят в колхоз жениха, — в изображении Яшина выглядит правдиво и жизненно. Читатель верит и тому, как „с водкой да с орехами сваты понаехали“, и тому, как обеспокоенный председатель обращается за советом к самой Алёне („Золотая, выручай!.. Замуж нам тебя, Алёна, выдавать расчёта нет!..“), и как та подсказывает удачное решение вопроса о

своём замужестве. За всей шутливостью сюжета этого стихотворения видна мысль о том, что у людей колхозной деревни на первый план выдвигаются интересы не личные, а государственные, и что одно другому не противоречит, а гармонически сочетается.

Бодрое, радостное впечатление производят на читателя такие стихотворения, как „Праздник“, „Хозяева“, „Хмель“ и другие. В них полнокровное, оптимистическое восприятие жизни, хорошо найденный ритм, чувство меры в использовании народной речи, особенно в диалогах действующих лиц.

О стихах Александра Яшина немало пишут и его товарищи по поэтическому ремеслу и литературные критики. Отдельные стороны его творчества нередко вызывают противоречивую оценку, но никто не будет отрицать того, что в лице А. Яшина советская литература имеет талантливую поэта, сильного своей живой связью с родной почвой, хорошего знатока жизни и быта колхозной деревни, находящегося, по выражению В. Инбер, „на верном пути“. Однако и на этом пути Яшина подстерегают опасности, и главная из них — опасность поверхностного отображения жизни, налёт бездумности, который чувствуется в некоторых стихотворениях из книжки „Земляки“. Преодолеть излишнюю праздничность, глубже показать народ в труде, в преодолении трудностей, в стремлениях и дерзаниях, — такова задача, над разрешением которой должен работать поэт. „Советский народ, — говорил

тов. Жданов в своём докладе о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, ждёт от советских писателей настоящего идейного вооружения. духовной пищи, которая помогла бы выполнению планов великого строительства, выполнению планов восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны. Советский народ предъявляет высокие требования к литераторам, хочет удовлетворения своих идейных и культурных запросов“. Удовлетворить эти запросы могут только те произведения, в которых хорошее знание изображаемого материала сочетается с глубиной мысли, и всё это находит выражение в простой и тщательно-продуманной поэтической форме,

Ответственный редактор К. П. Старцев.
Тех. редактор Фридлянд М. И.

ГЕ11926. Сдано в набор 20/IX-47 г. Подписано к печати
24/XI-47 г. П. л. 4, б. л. 2. Знаков в п. л. 30000.
Формат 60×80. Тир. 5000.

Вологда, тип. изд-ва „Красный Север“.